

1754/ЧЗЗ2М

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ

СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

РУССКИМИ УЧЕНИМИ И ЛИТЕРАТОРАМИ.

ТОМЪ II.

Фунд. Фонд.

Слб. 3 грав.

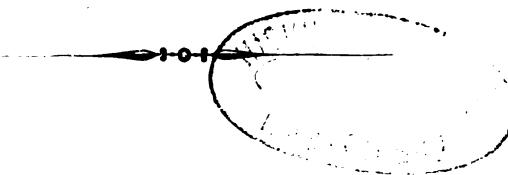
Шкафъ _____

Бюлка _____

№ _____

Им. _____

АДВ — АКШ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Государственная

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Санктпетербургъ, 9-го июля 1861 года.

Цензоръ *П. Дубровскій.*

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.

И М Е Н А

ГГ. РЕДАКТОРОВЪ И СОТРУДНИКОВЪ,

КОТОРЫХЪ СТАТЬИ НАХОДЯТСЯ ВО ВТОРОМЪ ТОМЪ, СЪ УКАЗАНИЕМЪ СОКРАЩЕНІЙ, ОЗНАЧЕННЫХЪ
ПОДЪ СТАТЬЯМИ.

А. А.....	А. П. Андреевъ	I. И. С.....	I. И. Сомовъ.
А. В.....	А. М. Бажановъ.	К. Б. — Р.....	К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
А. Бег.....	А. Н. Бекетовъ.	К. К.....	К. А. Косовицъ.
А. Г.....	А. Ф. Гильфердингъ.	Кн. В. О.....	Кн. В. Ф. Одоевскій.
А. И. А.....	А. И. Артемьевъ.	К. П. П.....	К. П. Патканінъ.
А. И. М.....	А. И. Макшеевъ.	К. П.....	К. П. Пилкинъ.
А. Коз—з.....	А. Козловъ	К.....	К. Кульжинскій.
А. К—къ.....	А. К. Корсакъ.	Л. Б.....	Л. Ф. Беркевичъ.
А. Л.....	А. В. Лохвицкій.	М. К.....	М. Я. Киттары.
А. М.....	А. О. Мухлинскій.	М. І.....	М. Н. Лонгиновъ.
А. Н. С. и А. Н. С—въ.....	А. Н. Сѣровъ.	М. М.....	М. Л. Михайловъ.
А. П. М.....	А. П. Майковъ.	М. П. В.....	М. П. Веселовскій.
Арх. Ф.....	Арх. Фотій.	Н. А.—ни.....	Н. В. Альбертиппи.
А. С.....	А. Н. Савичъ.	Н. Б.....	Н. О. Бернштейнъ.
А. С—чъ.....	А. А. Стойковичъ.	Н. Б—чъ.....	Н. Н. Буличъ.
А. Х.....	А. Н. Хвостовъ.	Н. Д. Б.....	Н. Д. Брашманъ.
А. Э.....	А. Н. Энгельгардъ.	Н. Н.....	Н. Д. Никитинъ.
В. А.....	В. М. Аничковъ.	Н. Н. Т.....	Н. Н. Тыртовъ.
В. Б.....	В. Я. Буняковскій.	Н. П.....	Н. В. Путата.
В. В.....	В. В. Васильевъ.	Н. С. К.....	Н. С. Курочкинъ.
В. Г.....	В. В. Григорьевъ.	Н. Э.....	Н. И. Эгерштремъ.
В. К.....	В. Ф. Коневицъ.	П. А.....	П. А. Александровъ.
В. Л.....	В. И. Ламанскій.	П. А. Б.....	П. А. Бибиковъ.
В. П.....	В. Ф. Петрушевскій.	П. А. М.....	П. А. Матв'євскій.
В. Х.....	В. Л. Ханинъ.	П. Л.....	П. Л. Лавровъ.
Г. Б.....	Г. Г. Больштъ.	П. С.....	П. П. Семеновъ.
Г. Г.....	Г. Ф. Головачевъ.	П. П.....	П. Н. Петровъ.
Г. Е.....	Г. В. Еспиловъ.	П. П. П.....	П. П. Пекарскій.
Г. К.....	Г. И. Канановъ.	П. Ф.....	П. Я. Федоровскій.
Г. Ф.....	Г. П. Федченко.	П. М.....	П. И. Мельниковъ.
Д. И. Р.....	Д. И. Романовъ.	П.—въ.....	И. И. Похвисневъ.
Д. М.....	Д. Е. Минъ.	С. Л.....	С. И. Лапшичъ.
Д. Р.....	Д. И. Романовскій.	Ф. Л.....	Ф. Леегофтъ.
Д. Ч.....	Д. И. Чубиновъ.	Ш.....	Г. Шпигель.
Д. Хъ.....	Д. А. Хвольсонъ.	Э. К.....	Э. Э. Клинъ.
Е. О.....	Е. Г. Осокинъ.	Ю. Р.....	Ю. С. Рехневскій.
Е. Э. Е.....	Е. Э. Краузольдъ.	Ю. Т.....	Ю. К. Трапъ.
Е. Ф.....	Е. М. Феоктистовъ.	Я. Б.....	Я. П. Балысній.
И. А.....	И. Е. Андреевскій.	Я. К.....	Я. Н. Калиновскій.
И. В.....	И. Н. Березинъ.	Я. Р.....	Я. А. Розенблать.
И. Г.....	И. С. Генслеръ.	Я. Ч.....	Я. А. Чистовичъ.
И. И. П.....	И. И. Прилуковъ.	Ф. К.....	Ф. А. Кони.
И. Р.....	И. К. Разумовъ.	Ф. Т.....	Ф. Г. Тернеръ.
И. Ш.....	И. И. Шперлингъ.	Ф. С.....	Ф. Ф. Сидонскій.
И. Э.....	И. Е. Энгельманъ.	Ф. Ф. Б.....	Ф. Ф. Бранть.

Редакція состояла изъ слѣдующихъ лицъ: В. М. Аничковъ, И. Н. Березинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Я. Буняковскій, М. Я. Киттары, П. Л. Лавровъ, Э. Х. Ленцъ, А. В. Лохвицкій, А. Н. Майковъ, М. Л. Михайловъ, Я. А. Розенблать, П. П. Семеновъ, Ф. Ф. Сидонскій, Ф. Г. Тернеръ, А. Н. Энгельгардъ и Е. М. Феоктистовъ. — Помощникомъ обшаго редактора былъ А. А. Стойковичъ. — Общею редакціею завѣдывала П. Л. Лавровъ.

особою станицею, названною Александровскою, въ честь новорожденного великаго князя Александра Павловича (впослѣдствіи императора).

Ак-сакалъ. По-турецки это слово значить: «бѣлая борода», и служить у турецкихъ племенъ къ означенію старшинъ небольшаго кочевья или околотка: болѣе правильная форма этого слова *Ак-сакаллы*, бѣлобородый, извѣстна и у курдовъ. *И. Б.*

Аксаковы, семейство русскихъ литераторовъ.

1) Аксаковъ *Сергій Тимоф'євичъ*, извѣстный русскій писатель, род. 20 сентября 1791 г., въ Уфѣ, † 30 апр. 1859 г.—Въ дѣтствѣ свою онъ былъ болѣзнетъ и чрезвычайно слабъ; но страстью любившая его мать (урожденная Зубова) заботами и попеченіями о немъ успѣла сохранить жизнь ребенка, безпрестанно подвергавшуюся опасности, и укрѣпить его долго безсильный организмъ. Такимъ-образомъ, могъ онъ, въ порѣ отрочства, обратиться въ ту крѣпкую, здоровую, можно сказать атлетическую натуру, которую отличался много лѣтъ. Аксаковъ любилъ свою мать также съ необычайнымъ увлеченіемъ и всегда говоривалъ, что ей обязанъ болѣе, чѣмъ жизнию. Нравственное и умственное воспитаніе Аксакова было также ея дѣломъ. Она была женщина весьма-умная, энергическая и очень-образованная для своего времени. У ней были сношенія съ столицами; извѣстный филантропъ и ревнитель просвѣщенія Новиковъ былъ съ нею въ перепискѣ. По четвертому году, молодой Аксаковъ сталъ уже понимать грамоту и вскорѣ пристрастился къ чтенію, несмотря на то, что находилъ немного средствъ къ удовлетворенію своей любознательности. Мать Аксакова, несмотря на безграничную привязанность къ сыну, понимая невозможность дать сыну образованіе въ отдаленныхъ деревняхъ, согласилась отдать въ казанскую гимназію, куда онъ и былъ опредѣленъ въ концѣ 1800 г. Аксаковъ самъ оставилъ намъ описание этого периода своей жизни въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Изъ нихъ видно, что разлука едва не погубила сына и мать, которые оба страдали и нравственно и физически, лишившись возможности жить вмѣстѣ. Состаніе казанской гимназіи въ то время не могло быть удовлетворительно въ учебномъ отношеніи. Не менѣе того, пребываніе въ ней было все-таки лучшимъ средствомъ для образования юношества въ обширномъ восточномъ краю Рос-

сіи. Аксаковъ извлекъ изъ гимназического курса все, что было возможно. Къ счастію, онъ встрѣтилъ достойныхъ руководителей въ надзирателѣ В. П. Унадышевскомъ и преподавателяхъ И. И. Запольскомъ и Г. И. Карташевскомъ. У двухъ послѣднихъ жилъ онъ съ 1801 г., какъ своеокаштный гимназистъ, а по-томъ какъ университетскій студентъ. Аксаковъ учился хорошо. Въ 1804 г., ноября 5-го, состоялся указъ обѣ учрежденіи казанскаго университета. Для него не было приготовлено ни зданія, ни преподавателей въ достаточномъ числѣ. Однако университетъ былъ наскоро открытъ въ домѣ гимназіи 14 февраля 1805 г. Студентами сдѣлались старшіе ученики гимназіи; въ числѣ ихъ былъ Аксаковъ, который и оставался въ университетѣ до марта 1807 г. Въ университѣтѣ развились артистическая и литературная наклонности Аксакова. Еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже зналъ наизусть и декламировалъ стихи Карамзина, Дмитриева и др. Въ гимназіи на него обратилъ особое вниманіе учитель русскаго языка, Ибрагимовъ. При поступленіи въ университетъ, Аксаковъ сдѣлался ревностнымъ посѣтителемъ казанскаго театра, где удалось ему увидѣть и игру славнаго Шавильщика. Вскорѣ, въ университѣтѣ устроилась труппа изъ студентовъ, и Аксаковъ явился на сценѣ въ первыхъ роляхъ, особенно въ пьесахъ Коцебу. Успѣхи его въ игрѣ и декламаціи были блестательны и онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ оставался долго однѣмъ изъ лучшихъ актеровъ домашнихъ спектаклей въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ былъ также превосходный чтецъ, и до самой старости сохранилъ это искусство, которое усовершенствовалъ въ себѣ смолоду. Въ то же время начались литературные занятія Аксакова. Въ числѣ его товарищѣй по гимназіи было иѣсколько человѣкъ, составившихъ родъ литературного общества, къ которому принадлежалъ и Аксаковъ. Это были Панаевы, Княжевичи, Алехинъ, Фалинъ, Переображеновъ, и др. Эти молодые люди были послѣдователями сентиментального направления школы Карамзина и издавали рукописный журналъ «Аркадскіе пастушки». Сотрудники подписывали свои статьи идилическими псевдонимами Аминта, Дамона, Дафниса, и пр. Аксаковъ началъ заниматься стихо-творствомъ въ 1805 г. и дебютировалъ въ кругу своихъ товарищѣй пьесою «Къ соловью», которая была не что иное, какъ реторическое упражненіе на тему о жестокой

красавицъ, впрочемъ существовавшей только въ воображениі молодаго стихотворца. Въ 1806 г. Аксаковъ и А. Панаевъ издавали рукописный «Журналъ нашихъ занятій». И при самомъ началѣ своего авторскаго по-прища, шестнадцати лѣтъ Аксаковъ выказывалъ уже рѣдкую самостоятельность мнѣній, совершенно независимыхъ отъ общаго направлениія его друзей. Это было какъ-бы первымъ проявленiemъ той оригинальности, которую онъ отличался впослѣдствіи и которая поставила его въ литературуѣ нашей какъ-бы особнякомъ. Въ то время, когда его товарищи увлекались слезливымъ и мечтательнымъ тономъ произведеній неудачныхъ послѣдователей Карамзина, Аксаковъ одинъ инстинктивно чувствовалъ приторность такого направлениія. Въ 1805 г. д. казанскихъ студентовъ дошла вышедшая еще въ 1803 г. книга Шишкова «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», направленная противъ языка Карамзина и его школы. Она произвела негодованіе въ молодыхъ студентахъ; но Аксаковъ обрадовался ей. Онъ изучилъ ее, несмотря на насмѣшки своихъ друзей; гордился тѣмъ, что имѣть за себѣ авторитетъ Шишкова, и, не зная его лично, уже почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе, какъ къ великому писателю и знатоку языка, какимъ онъ казался ему въ то время. Въ марта 1807 г., Аксаковъ вышелъ изъ университета и получилъ аттестатъ, въ которомъ, по словамъ его, были прописаны успѣхи его даже въ табіяхъ наукахъ, какія онъ зналъ только по наслышкѣ. Въ концѣ 1807 г., онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Москву. Аксаковъ болѣе всего занимался тогда театромъ, на которомъ отлчался Плавильщиками. Весною 1808 г., семейство Аксаковыхъ пріѣхало въ Петербургъ и, уѣзжая оттуда черезъ два мѣсяца, оставило его уже на службѣ переводчикомъ комиссіи составленія законовъ. Первыязнакомства Аксакова въ Петербургѣ были слѣдующія. Старинный приятель его семейства, В. В. Романовскій, былъ другомъ извѣстнаго Лабзина, главы петербургскихъ мартинистовъ, которыхъ ученіе было тогда очень-распространено. Послѣдователи его составляли тѣсный союзъ, въ которомъ развился духъ жестокой нетерпимости, доходившій почти до фанатизма; Лабзинъ и Романовскій были въ немъ совершенными despotами. Раболѣпство къ нимъ прочихъ адептовъ не имѣло границъ и доходило до того, что они иногда должны были подавлять въ себѣ

самыя естественные и завѣтныя чувства, чтобы не нарушить хорошаго расположенія духа своихъ наставниковъ. Разумѣется, изъ Аксакова думали сдѣлать прозелита этой sectы, но его здравый умъ и прямой, открытый нравъ возмутились отъ такихъ неестественныхъ и унизительныхъ отношеній между петербургскими мартинистами. Онъ отдалъся отъ ихъ предложеній и забавлялся, дѣлая ихъ иногда жертвами забавныхъ мистификацій. Аксаковъ сталъ рѣже посѣщать честнаго, по фанатическаго Романовскаго побывалъ чаще у крестнаго своего отца, извѣстнаго Д. Б. Мертваго и у А. С. Шишкова, у которого сдѣлался вскорѣ домашнимъ человѣкомъ. Онъ узналъ наконецъ того, который еще въ Казани казался ему геніемъ, и не разочаровался сначала ни въ его литературной непогрѣшимости, которая только послѣ оказалась ему сомнительной, ни въ высокихъ его нравственныхъ качествахъ, которыхъ уважалъ глубоко и впослѣдствіи. Шишковъ любилъ Аксакова какъ сына и безпрѣстно читалъ съ нимъ Ломоносова и другихъ своихъ любимыхъ авторовъ, которыхъ сочиненія такъ искусно декламировалъ его молодой другъ. Въ дому Шишкова Аксаковъ видѣлъ Мордвинова, Кутузова, Дмитріева, Шаховскаго, Шихматова, Висковатова, и пр. Посѣщалъ безпрестанно Шишкова, Аксаковъ увлекался направленіемъ, господствовавшимъ между его друзьями, которые, по своему тогдашнему славянофильскому предубѣждению, восхищались напр. стихами Шихматова и считали «Дмитрія Донскаго» Озерова чуть не святотатствомъ. Однако, здравый вкусъ молодаго Аксакова удерживалъ его отъ слишкомъ рѣзкихъ односторонностей. Время и опытъ излечили его впослѣдствіи отъ всякихъ пристрастій. Страстъ къ театру и къ декламаціи заставила Аксакова сблизиться съ извѣстнымъ актеромъ Шушериномъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ на покой. Шушеринъ пристрастился къ моздому человѣку и почти каждый день бесѣдовалъ съ нимъ о драматическомъ искусствѣ. Пользуясь совѣтами его, Аксаковъ болѣе и болѣе совершенствовалъ свою игру на домашнихъ театрахъ у Шишковыхъ и др. У Шушерина узналъ онъ актеровъ: старика Шумскаго и Яковлева и драматическихъ писателей Ильина, Гнѣдича, Языкова и др. Въ началѣ 1812, въ Москвѣ, Аксаковъ сталъ переводить для Шушерина, стихами, лагарпой трагедію «Філоктетъ», напечатанную уже

впослѣдствіи (1816). Въ это же время познакомился онъ съ московскими литераторами: Кокошкімъ, Ивановимъ, Мерзляковымъ, Каченовскимъ, Глинкой, Щатровымъ, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, Николевымъ и др., и окончательно вступилъ въ литературный міръ. Время нашествія Наполеона и слѣдующіе два года Аксаковъ провелъ въ деревнѣ. Въ 1814 г., онъ побывалъ въ Петербургѣ, и въ концѣ 1815 пріѣхалъ въ Москву, откуда опятьѣздилъ въ Петербургъ. Тогда-то познакомился онъ съ Державинымъ, который чрезвычайно полюбилъ его за мастерское чтеніе своихъ одѣй, и узналъ Загоскина, съ которыми впослѣдствіи былъ истинно друженъ. Въ 1816 г. Аксаковъ женился на Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной, и потомъ прожилъ въ деревнѣ до августа 1820 г.—Пріѣхавъ въ это время въ Москву, Аксаковъ еще ближе сошелся съ литературными и театральными міромъ. Онъ напечаталъ переводъ 10-ї сатиры Буало (1821) и былъ выбранъ въ члены московского общества любителей россійской словесности. Къ этому же времени относятся его лучшіе сценические успѣхи на домашнихъ театрахъ Кокошина и князя И. М. Долгорукаго. Кромѣ-того Аксаковъ помѣщалъ стихи и разныя статейки въ «Вѣстнике Европы». Въ августѣ 1821 г., онъ опятьѣздилъ въ Оренбургскую Губернію и возвратился въ Москву не ранѣе сентября 1826 г. Занимаясь въ деревнѣ хозяйствомъ и охотою, Аксаковъ не забывалъ литературы: переводилъ Буало и французскихъ трагиковъ и вѣль переписку съ молодымъ поэтомъ Писаревымъ, съ которымъ близко сошелся еще въ Москвѣ. Въ 1826 г. Аксаковъ нашелъ въ Москвѣ многихъ друзей своихъ. Кокошинъ былъ директоромъ театра, при которомъ служили также Загоскинъ, Писаревъ, А. Н. Верстовскій. Этотъ кружокъ, къ которому принадлежали также М. А. Дмитріевъ и Ен. Шаховской, переселившися въ Москву, составлялъ общество Аксакова. Въ 1827 г. онъ былъ определенъ въ цензора и занималъ эту должность до 1833 г. Въ-течение этого времени онъ перевелъ «Скупаго» и «Школу мужей», комедіи Мольера (переводъ не былъ напечатанъ, но пьесы играны на сценѣ), помѣщалъ разныя статьи, особенно о московскомъ театре въ «Московскомъ вѣстнике» Погодина, «Атенеѣ» Павлова, «Галатеѣ» Раича, «Мольѣ» Надеждина, которую и завѣдывалъ въ-течение 1832 г., и участвовалъ въ «Трудахъ общества любителей россійской словесности».

Дружба его съ названными выше писателями, которые были во враждебныхъ отношеніяхъ къ «Московскому телеграфу», поставила его въ непріязненія столбновенія съ Полевымъ, неутомимымъ въ нападкахъ на Аксакова и его друзей. Въ 1834 г. Аксаковъ былъ сдѣланъ инспекторомъ межеваго училища. Заведеніе это было совершенно преобразовано и названо «константиновскимъ межевымъ институтомъ». Аксаковъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ котораго было произведено это преобразованіе, стоявшее ему много труда, былъ назначенъ директоромъ института. Заботливость его о заведеніи была такъ велика, что здоровье его отъ того потерпѣло и, по просьбѣ своего семейства, онъ вышелъ въ отставку въ началѣ 1839 г.—Аксаковъѣздилъ въ деревню нѣсколько разъ для свиданія съ родителями, умершими въ преклонной старости. Его мать прожила до 1833, а отецъ—до 1837 г. До сихъ-поръ жизнь Аксакова не представляется еще тѣхъ явлений, которыхъ ознаменовали его дальнѣйшее поприще. Онъ пріобрѣлъ издавна любовь иуваженіе знатныхъ его, какъ честнѣйшій и добрѣйшій изъ людей, примѣрный семьянинъ, вѣрный другъ; его знали за любителя литературы, знатока сценическаго искусства; его мнѣніями дорожили, и самъ Пушкинъ признавалъ справедливыми отзывы Аксакова о своихъ произведеніяхъ. Но журнальные статьи, переводы французскихъ классиковъ и пр. не обличали его истинного дарованія и призванія. Сила этого авторскаго дарованія—какъ бы дремала, не попавъ на свою настоящую дорогу. Таланту Аксакова суждено было выскакаться, когда онъ былъ уже въ лѣтахъ зрѣлыхъ, и этимъ счастливымъ обстоятельствомъ онъ не мало обязанъ Гоголю. Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ въ то время, когда большинство нашихъ журналистовъ и вообще литераторовъ враждебно или покрайней мѣрѣ недовѣрчиво и беспокойно смотрѣло на этотъ новый талантъ, заговорившій языккомъ еще неслыханнымъ и образами, еще небывалыми въ нашей литературѣ. Аксаковъ, съ своимъ сочувствіемъ къ природѣ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, принадлежалъ къ небольшому еще числу сторонниковъ Гоголя, восхищавшихся его поэтическими произведеніями. Когда Гоголь выступилъ на новое поприще, воспроизводя и осмысливая современные нравы, число его враговъ увеличилось, особенно при появлѣніи «Ревизора». Когда дѣло шло о постановкѣ

«Ревизора» на московской сценѣ, Аксаковъ предложилъ автору, бывшему въ Петербургѣ, свои услуги и опытность по этому дѣлу. Съ-этіхъ-поръ завязались дружескія отношенія Гоголя и Аксакова, котораго авторъ «Ревизора» горячо полюбиль, также какъ и все семейство Аксаковыхъ. Во время своихъ безчисленныхъ переѣздовъ въ Россіи и за-границей, Гоголь былъ въ постоянной перепискѣ съ Аксаковымъ и письма его исполнены самыхъ дружескихъ изліяній и нѣжной заботливости о далекомъ другѣ и его семействѣ. Въ это время Аксаковъ сталъ испытывать свои силы въ новомъ для него родѣ. Онъ вздумалъ сосредоточить свою творческую дѣятельность на изображеніи картинъ природы степнаго края, который изучилъ близко, странствуя по его обширнымъ пространствамъ и охотясь съ ружьемъ или удачкой за безчисленными населеніемъ его степей, лѣсовъ и водъ. Первый опытъ Аксакова въ этомъ родѣ «Буранъ» относится еще къ 1834 г. Но воспроизведеніе картинъ природы, создаваемыхъ не одною силою творчества, но и пережитыхъ такъ-сказать художникомъ, естественно влекло его къ воспоминанію тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ сопровождали знакомство съ ними. Въ памяти автора возставала вся обстановка его дѣтства, юношества: люди его окружавшіе, съ ихъ нравами, характерами, преданіями, рассказами о быломъ и т. д. Природа, и безъ того оживленная чувствомъ поэта, вникавшаго съ такою любовью въ ея тайны и красоты, оживлялась еще болѣе присутствиемъ среди ея человѣка съ его дѣятельностью, страстами. Можетъ-быть, такимъ путемъ создалась «Семейная хроника», которой отрывки Аксаковъ читалъ Гоголю, кажется, еще въ 1840 г. Но первый отрывокъ изъ нея появился въ печати только въ 1846 г. въ «Московскомъ сборникѣ» безъ имени автора. Съ этого времени начинается настоящее литературное поприще Аксакова, которому тогда было уже 55 лѣтъ. Въ 1847 г. вышли «Записки объ уженѣ рыбы» (2-е изд. 1854, 3-е 1856); въ 1852—«Записки ружейнаго охотника Оренбургской Губерніи» (2-е изд. 1852, 3-е 1857); въ 1855—«Разсказы и воспоминанія охотника» (2-е изд. 1856); въ 1856—«Семейная хроника» и «Воспоминанія» (2-е изд. въ томъ же году); въ 1858—«Дѣтскіе годы Багрова-внука» и «Разныя сочиненія», гдѣ собраны были статьи, напечатанные имъ въ «Русской Бесѣдѣ» и другихъ изданіяхъ. Ос-

былъ успѣхъ имѣла въ публикѣ «Семейная хроника». Личныя отношенія, духъ партій—все смолкли при появлѣніи этого превосходнаго произведенія, и всѣ голоса слились въ одинъ общій, искренній гулъ похвалъ. Аксаковъ приобрѣлъ уже почетное мѣсто въ литературѣ своими сочиненіями обѣ охотахъ разнаго рода. Прелестъ разсказа, удивительный по живописности и оригинальности языка, глубокое пониманіе природы, дѣлали эти произведенія обаятельными не для однихъ охотниковъ, но и для всякаго читателя, одареннаго чувствомъ изящнаго. Но «Семейная хроника» прежде поставила Аксакова на степень первокласснаго писателя. Этому успѣху особенно способствовалъ новый элементъ, внесенный авторомъ въ свое произведеніе. Вмѣстѣ съ мастерскими картинами, которая достигли въ «Хроникѣ» высшей степени совершенства, въ ней увидѣли поразительное истину и художественностью изображеніе характеровъ изъ стараго русскаго быта. Ясно было, что канва разсказовъ—быть, что все это не могло иначе быть, но интересъ любопытныхъ мемуаровъ поглощался истинно - поэтическимъ воспроизведеніемъ лицъ и событий; въ подробностяхъ о нихъ невозможно было провести черту между тѣмъ, что дѣйствительно и что принадлежитъ творчеству поэта. «Хроника» останется всегда однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Дальнѣйшія сочиненія Аксакова были имъ написаны, какъ сказано, въ послѣдніе четыре года его жизни. Его «Литературии и театральная воспоминанія» представляютъ, кромѣ того, важный материалъ для исторіи литературы.—Послѣдніе годы своей жизни, Аксаковъ провелъ въ Москвѣ и подмосковной деревнѣ Абрамцовѣ, заисключениемъ поѣздки въ Оренбургскую Губернію въ 1851 г. и нѣкоторыхъ разѣздовъ въ Петербургъ и пр. Домъ его былъ однимъ изъ приятѣйшихъ въ Москвѣ. Нравственное вліяніе Аксакова было опутительно не въ одномъ его семействѣ. Примѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцомъ друзей, къ которому смыло шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ первого раза приобрѣтать любовь и довѣrie всяаго и никому не отказывать въ своемъ содѣйствіи или участіи, а напротивъ самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и, въ то же время, умъ свѣтлый, прямой, соеди-

ненный съ характеромъ откровеннымъ, возвышеннымъ и энергическимъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжкихъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли вмѣстѣ съ какою-то младенческою ясностью души. Писатели и ученые оказывали особое уваженіе Аксакову. Въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, кромъ упомянутыхъ книгъ, Аксаковъ написалъ нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Москвитянинѣ», «Московскомъ сборникѣ», «Русскомъ Вѣстнику», «Молвѣ» и «Русской Бесѣдѣ». — Аксаковъ отличался силой и крѣпостью тѣлосложенія, чѣму немало способствовали частыя прогулки и занятіе охотою. Но здоровье его начало страдать еще лѣтъ за двѣнадцать до кончины. Болѣзнь глазъ принудила его надолго запереться въ темной комнатѣ, и, непріученный къ сидячей жизни, Аксаковъ разстроилъ отчасти свой организмъ, лишась притомъ одного глаза. Бодрость, впрочемъ, никогда не покидала его, даже въ послѣдніе годы жизни, когда болѣзнь его развидалась болѣе и болѣе и заставляла его почти постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Онъ былъ живъ и впечатлителенъ попрежнему; ясность духа его была невозумѣтия. Весною 1858 г. болѣзнь Аксакова приняла весьма-опасный характеръ и стала причинять ему жесточайшій страданіи; но онъ переносилъ ихъ съ чрезвычайною энергией и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ близь Москвы и, несмотря на тяжкую болѣзнь, имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новый свои произведения, которая ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы. Сюда принадлежитъ «Собирание бабочекъ», вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его смерти въ «Братчинѣ», сборникѣ въ пользу бѣдныхъ казанскихъ студентовъ, которымъ онъ особенно интересовался. Осенью 1858 г. Аксаковъ перѣѣхалъ въ городъ, и всю слѣдующую зиму провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Ни помощь лучшихъ врачей, ни заботы семьи, не могли спасти его жизни. Однако онъ продолжалъ еще иногда заниматься и написать статью «Зимнее утро», «Встрѣчу съ мартинистами», послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его сочиненій, появившееся въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., и повѣсть «Наташа», которая напечатана въ томъ же журналѣ. Весной не оставалось уже надежды, и онъ ум.

30 апрѣля 1859 г. Къ поименованнымъ выше литературнымъ трудамъ Аксакова слѣдуетъ прибавить переводъ съ франц. четырехъ послѣднихъ частей романа В. Скотта «Певериль», первая часть которого переведена А. Писаревымъ (М. 1830, 12⁰). — «Семейная хроника» переведена на иѣм. языкъ С. Рачинскимъ и издана въ Лейпцигѣ въ 1847 г.

M. L.

Критика наша еще не сказала послѣдняго слова о значеніи Аксакова и трудовъ его въ исторіи литературы. Первая сочиненія его, объ охотѣ и ужены, по своей специальности, были замѣчены немногими. Масса публики даже жалѣла, что мастерскія описанія и картины природы перемѣшаны, въ этихъ произведеніяхъ, съ техническими подробностями, утомительными и непонятными для большинства. Успѣху «Семейной хроники» много содѣйствовало время ея появленія (1856 годъ), когда русская литература только-что проснулась отъ долгаго бездѣйствія. Но и въ то время уже нашлись голоса въ журналистикѣ, обвинявшие автора, если не въ сочувствіи его, то по-крайней-мѣрѣ въ совершенномъ безучастіи къ такимъ личностямъ, какъ Курлесовъ и даже самъ Багровъ, обходившійся возмутительно съ своею женой и домашними. Петербургскіе журналы находили, что невозможно было восхищаться подобнымъ характеромъ, и главнымъ достоинствомъ разсказа считали типически-вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Московскіе органы гласности, доводившіе поклоненіе Аксакову до высшей степени, восторгались безусловно всякою строкою «Хроники» и не совсѣмъ ловко опровергали всѣмъ известный фактъ, что история семейства Багровыхъ — была исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ. Полемика эта была, впрочемъ, непродолжительна, и когда черезъ два года явилось продолженіе «Хроники» — «Дѣтскіе годы Багрова — внука», число хвалебныхъ статей объ этой книгѣ было уже значительно меньше. Стали находить въ ней длинноты, скучные повторенія. Сама публика встрѣтила книгу съ мѣнѣшимъ сочувствиемъ; интересъ ея былъ замѣтно слабѣе. Когда же явились (въ томъ же году) разныя мелкія сочиненія автора, «Современникъ» высказалъ прямо, что видѣть во многихъ статьяхъ — старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Другіе журналы отзывались объ нихъ уклончиво, болѣе извѣ-

уваженія къ прежнимъ заслугамъ и личнымъ достоинствамъ писателя. Смерть его была встрѣчена съ сожалѣніемъ всѣми, безъ различія взглядовъ, потому-что литература теряла въ немъ благороднаго независимаго дѣятеля.

2) Аксаковъ Константи^н Сергеевичъ, старшій сынъ автора «Семейной Хроники», род. 29 марта 1817 г. въ селѣ Аксаковѣ (Бугурусланскаго Уѣзда Оренб. Губ.), † на ост. Занѣ 1861 г. Первые годы провѣль онъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, при родителяхъ. По переѣздѣ въ 1826 г. въ Москву, воспитывался дома до 15 лѣтъ. Всѣми своими знаніями въ русскомъ языкѣ и въ русской словесности Аксаковъ обязанъ отцу. Въ 1832 г. поступилъ онъ въ студенты московскаго университета, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1835 г., а въ 1838 г. пробылъ около полугода заграницей. Посвятивъ себя вполнѣ ученой и литературной дѣятельности, онъ никогда не былъ ни въ какой службѣ, и остался безотлучно въ родительскомъ домѣ. Въ 1847 г. Аксаковъ получилъ степень магистра послѣ защиты разсужденія своего: «Ломоносовъ въ исторіи русской словесности и русскаго языка», и экзамена, выдержанаго предварительно, за нѣсколько лѣтъ. Диссертаци^я эта была издана еще въ концѣ 1846 г. До изданія этого сочиненія онъ печаталъ въ журналахъ «Телескопъ», «Мольфъ» и «Московскомъ наблюдателѣ» какъ оригиналъ, такъ и переводный (преимущественно изъ Шиллера и Гёте) стихотворенія и статьи, по поводу нѣкоторыхъ современныхъ тогдашихъ вопросовъ. Съ 1846 г., времени основанія «Московскаго Сборника», Аксаковъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ всѣхъ лучшихъ органовъ славянофильскаго направленія въ нашей литературѣ. Въ помянутомъ «Сборнике» были напечатаны между-прочимъ: статья его «О православіи» (1846 г.), три большія критич. статьи подъ псевдонимомъ Имре^{къ} (1847 г.), и «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ-особенности», по поводу вопроса о родовомъ бытѣ (1852 г.). Въ 1856 г. Аксаковъ постоянно участвовалъ своимъ трудами въ «Русской Бесѣдѣ» и въ не на долго возобновившейся «Мольфѣ». Особенно ясно выражены общественные и литературные тенденціи автора въ рядѣ статей объ «Исторіи Россіи» Соловьевъ, и въ статьяхъ «О русской литературѣ», «О богатыряхъ князя Владимира», «О Бѣлевской библіотекѣ», «О русской грамматикѣ Буслаева» и др. въ

«Русской Бесѣдѣ» (1856—60). Отдельно были напечатаны: драма «Освобожденіе Москвы» (1848 г.), которая была представлена въ Москвѣ, въ бенефисѣ актера Леонида, 14 декабря 1850 г., но на другой же день, снята со сцены; брошюра «О русскихъ глаголахъ» (1856 г.); комедія «князь Луповицкій, или пріѣздъ въ деревню» (1856 г.), написанная еще въ 1851 г., и «Опытъ русской грамматики», вып. 1 (1860 г.). Въ 1858 г. Аксаковъ выбранъ въ члены общества любителей росс. словесности и принималъ постоянное участіе въ его дѣйствіяхъ.—Возрѣнія Аксакова на русскую исторію, хотя они и не выражены ни въ какомъ отдельномъ сочиненіи, а разсыпаны по журнальнымъ статьямъ, имѣютъ большой интересъ. Въ статьѣ: «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и русскихъ въ-особенности» Аксаковъ представилъ опроверженіе теоріи родового быта, на которой цѣлая школа изслѣдователей хотѣла построить русскую исторію. Аксаковъ доказываетъ, что слово родъ значило въ древности семья, не болѣе, и что бытъ нашихъ предковъ былъ собственно семейно-общинный, а вовсе не родовой. Впрочемъ, самое построение слабѣе критики. Въ статьѣ о шестомъ томѣ исторіи Россіи, г. Аксаковъ представилъ интересный взглядъ на Грознаго, какъ наnatуру исключительно артистическую, увлекавшуюся собственную фантазію и потому незнавшую ни въ чемъ мѣры. Этотъ взглядъ объясняется многія противорѣчія въ характерѣ Ивана, передъ которыми до-сихъ-поръ останавливались изслѣдователи и объясненія которыхъ искали въ чисто-вишнѣхъ обстоятельствахъ. Мысли Аксакова о земскихъ соборахъ, какъ общихъ вѣчахъ русской земли, выраженной имъ въ статьяхъ объ исторіи г. Соловьевъ, нельзя признать вполнѣ вѣрною. Гораздо плодотворнѣе другая мысль Аксакова — о постоянномъ разъединеніи между землею и государствомъ, проходящемъ черезъ всю древнюю русскую исторію. Аксаковъ же принадлежитъ первая, безпристрастная оцѣнка «Исторіи Россіи» г. Соловьевъ съ ученой и художественной точки зрѣнія. Въ статьѣ его о богатыряхъ высказано много мыслей, съ которыми трудно согласиться и источникъ которыхъ заключается въ желаніи провести цѣльный взглядъ, когда материалъ еще не обработанъ: таѣ Аксаковъ едва ли не напрасно приписываетъ русской народной поэзіи христіанскій характеръ точно также трудно видѣть, въ Ильѣ Муромцѣ, предста-

вителя крестьянского сословия, когда основа пѣсни относится вѣроятно къ эпохѣ неиздѣльности русскаго народа. Вообще, въ статьяхъ его видно художественное чутье истины, но мало трезвой воздержности мысли; оттого его огромная начитанность не всегда приводила къ прочнымъ результатамъ.

M. M. и K. B.-P.

См. *Н. И. Костомарова*: «О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по Русск. Ист.» (Слб. 1861).

3) *Аксаковъ Иванъ Сергеевичъ*, сынъ Сергея Тимофеевича; род. Оренбургской Губерніи, Белебеевскаго уѣзда въ селѣ Надежинѣ (Куроѣдово тожь), 26 сент. 1823 г.; воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и въ 1842 г. опредѣлился на службу въ московскій сенатъ. Въ сентябрѣ 1848 г. поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ отправленъ въ Бессарабію по нѣкоторымъ раскольничимъ дѣламъ. Въ апрѣль 1849 г. командированъ для ревизіи городскаго управлѣнія въ Ярославской Губ. и для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣріи, введенію которого противился ярославскій архиепископъ. Тамъ же состоялъ членомъ въ комиссіи, для изслѣдованія секты странниковъ и описалъ ихъ ученіе, догматы и проч. Въ 1850 г. Аксаковъ вышелъ въ отставку и возвратился къ отцу своему, въ Москву, где и занялся литературою. Въ 1852 г. онъ издалъ Московскій Сборникъ т. I и готовился уже издать II томъ, но продолженія изданія не послѣдовало. Аксаковъ принялъ предложеніе русскаго географического общества: описать торговлю на украинскихъ ярмаркахъ, и отправился въ концѣ 1853 г. въ Малороссию, где и путешествовалъ до конца 1854 г. Воротившись въ Москву, Аксаковъ въ самомъ разгарѣ войны въ началѣ 1855 г. добровольно вступилъ въ ополченіе, именно въ серпуховскую дружибу, и вмѣстѣ съ дружиною совершилъ походъ до Одессы, а потомъ въ Бессарабію. Въ мартѣ 1856 г., при первомъ извѣстіи о мирѣ, Аксаковъ оставилъ дружину и воротился въ Москву, но въ маѣ того же года былъ приглашенъ княземъ В. Васильчиковимъ принять участіе въ слѣдственной комиссіи, назначеннай по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Аксаковъ отправился въ Крымъ, но, не дождавшись конца комиссіи, въ декабрѣ 1856 г. возвратился въ Москву. Въ половинѣ 1858 г. Аксаковъ принялъ на себя, но неофициально, редакторство журнала «Русская Бесѣда»

и выдалъ III и IV томы за этотъ годъ. Получивъ дозволеніе издавать газету «Парусъ», онъ, въ январѣ 1859 г., выдалъ 2 №№ этой газеты, но на 3-мъ она прекратилась. Продолжая заниматься редакціею Русской Бесѣды, Аксаковъ издалъ въ 1859 г. 6 томовъ этого журнала. Аксаковъ въ нач. 1860 г. уѣхалъ за границу и посѣтилъ славянскія земли, а въ концѣ 1860 году воротился въ Москву. Аксаковъ написалъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ многія были напечатаны въ Московскомъ Сборникѣ 1846, 1847, 1852 г., въ Русской Бесѣдѣ (1856 — 1860) и въ газ. Парусъ. Первое его стихотвореніе «Колумбъ» было напечатано въ Москвитянинѣ 1844 г. Большая часть стихотвореній осталась ненапечатанною. Въ 1859 г. издано было Географическимъ обществомъ сочиненіе Аксакова «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» въ 4-ку. Оно удостоено обществомъ большой константиновской медали, а академіею наукъ половинной демидовской преміи. Это изслѣдованіе, основанное на фактахъ, тщательно собранныхъ большею частію самимъ изслѣдователемъ, обнимаетъ собою не одни украинскія ярмарки, но, по огромному значенію ихъ особенно для юга и сѣвера Россіи, почти все торговое и промышленное движение въ нашихъ главныхъ центрахъ промышленности и торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно показываетъ всю недостаточность и неточность официальныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ, безъ тщательныхъ мѣстныхъ изслѣдований людей, хорошо понимающихъ дѣло, мы не можемъ составить себѣ никакой правильной оцѣнки нашей народной дѣятельности. Аксаковъ принадлежитъ къ школѣ, которой органомъ была Русская Бесѣда. Издавая Парусъ, онъ имѣлъ въ виду издать центральный органъ славянской мысли, что вполнѣ ясно выражено въ его объявлѣніи объ изданіи этой газеты. Это объявление было переведено и напечатано по-польски, болгарски, сербски и чешски.

M. M.

Аксаякатль, государь древней Мехинки, наследникъ Монтезуны или Мактезумы-Великаго, царствовалъ отъ 1464 по 1477 г. Его царствование прошло въ походахъ и завоеваніяхъ; онъ доходилъ до береговъ Великаго Океана, покорилъ Тегуантепекъ, Толуку и разрушилъ государство Тлателолько. Государь послѣднаго, Моквигвикъ былъ приведенъ къ Аксаякатлю, который расположилъ ему грудь и вырѣзалъ сердце.